

Н.А. Герлейн

**ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ СВОБОДЫ
В КОНТЕКСТЕ ПОИСКОВ ОСНОВАНИЙ ЭГОИЗМА
СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА**

Герлейн Наталия Анатольевна – аспирант Института философии и социально-политических наук ЮФУ, г. Ростов-на-Дону, e-mail: nag_23@mail.ru

---

Аннотация. В статье анализируются социокультурные предпосылки актуализации темы свободы на основании стремления человека к индивидуальности, которое в конечном итоге приводит его к одиночеству. Ставится под сомнение современная интерпретация и представление о свободе выбора, а также критикуется ложное понимание и восприятие тактической пропаганды тематики личности. Обосновывается необходимость создания нового концептуального синтеза идей на основании рефлексии классических теорий и современных процессов, обновленной философии и нового взгляда на человека и смысл его жизни.

Ключевые слова: личность, свобода, постиндустриальное общество, дискурс, парадигма, рыночно-постмодернистский индивидуализм, Штирнер, социальность, виртуальная реальность.

Современное общество позиционирует как важнейшую ценность человеческую личность. Об этом говорится в конституциях всех государств, СМИ, представительствах на высшем уровне и всем прочем, что так или иначе представляет их на международной арене, а также во внутренней политике – для жителей этих государств.

Человеческая личность – самый востребованный продукт, конструкт, поистине самый вербализированный культ современности – одно из наиболее часто используемых клише, исходный пункт всех документов, кодексов и правил. Личность везде, во всем, личность и ее своеобразие – это последний аргумент в ряде дискурсов, то, на что с некоторых пор принято ссылаться в любых скользких полемиках, в

любых неудобных для личностей ситуациях. Слово «личность» – самая лучшая защита не только от любых нападений, но и, что гораздо хуже, от любых контактов с внешней реальностью.

Современный человек может спрятаться в свою личность как в футляр, и в ответ на все внешние раздражители отстаивать свое право оставаться в этом футляре, понимаемое им как право быть личностью, оставаться собой (то есть утверждать все что угодно). «Оно, конечно, так-то так, всё это прекрасно, да как бы чего не вышло» [14, с. 130], соответственно, в противном случае – в случае возникновения в окружающем мире идей о необходимости выйти за эти пределы – человек, скорее всего, будет параноидально относиться к попыткам посягнуть на его личность и его так называемое своеобразие. «По мере того как обязанности граждан по отношению к государству умножались, граждане, очевидно, освобождались от обязанностей по отношению к друг другу» [5, с. 238]. Не это ли наиболее удобное убежище для того, чтобы оставаться в пассивности и пребывать в инерции? Не в этом ли кроется секрет воспроизводства существующего порядка вещей во всех областях, которые составляют современную реальность?

Хотя здесь скрывается еще один парадокс. Если опираться на всевозможные определения понятия «личность», можно заметить, что это понятие выступает как конструктивное начало, самодостаточное и динамичное, оно отнюдь не инертное и не пассивное. Как же тогда возможно то, о чем говорилось выше, – скрытая пассивность, замкнутость, декоммуникация как следствие установления четкой регламентации свободы одного, заканчивающейся у пределов свободы другого? Как это связано со сбеганием в «человеческий футляр» и зачем это вообще требуется? Ведь, если верить определениям, личность – противоположный феномен и исключает все эти процессы. «Ощущения, сопровождающиеся чувством удовольствия, не содержат в себе ничего побуждающего к действию, наоборот, ощущения неудовольствия обладают этим свойством в высокой степени. Они побуждают к изменению, к совершению движения, и поэтому мы рассматриваем неудовольствие как повышение энергии, а удовольствие – как понижение ее» [12, с. 191]. Не в этом ли утверждении как раз можно обнаружить подмену тезиса, который многое объяснит?

Пропаганда тематики личности, осуществляемая при помощи СМИ, маркетинга, политики, рынка, под видом личности преподносит совсем другое – нечто, никоим образом не соответствующее категории личности, как ее понимают, к примеру, гуманитарные науки. Эти

структуры наделили личность особыми задачами и снабдили ее особым алгоритмом действия.

Современный индивидуализм, который преподносится под видом приятных широкой общественности теорий права и свободы личности, повествует не о целостном и автономном индивидууме. «Права личности утверждались с особой энергией лишь в одной области – в области экономической. Но и здесь личная свобода оставалась и в практике, и в теории более кажущейся, чем действительной. Что же касается других областей – политической, умственной, художественной, то можно сказать, что по мере того, как экономический индивидуализм утверждался все с большей силой, подчинение личности военной организации государства и его системе образования, а также умственной дисциплине, необходимой для поддержки существующих учреждений, постоянно росло» [6, с. 42]. Индивидуум предстает чем-то расщепленным на множество политических, идеологических, маркетинговых, экономических дискурсов и клише, хотя современному человеку все же предлагается «свобода» оставить или же немного изменить произвольный порядок, в котором это все загружается в его сознание.

Для сохранения такого эклектичного множества в максимально близком к оригиналу виде личность позиционируется как некая незыблемая постоянная сущность, в пределах которой находится то, что, кроме нее самой, никого не касается. «Везде в жизни, в законе, в науке, религии торжествует теперь утверждение, что каждый может и должен добиваться собственного счастья, не обращая никакого внимания на чужие нужды. Это стало религией нашего времени, и люди, сомневающиеся в ней, считаются опасными утопистами» [5, с. 239]. Так формируется очень удобное для ленивого современного человека (при этом выгодное общей системе) оправдание пассивности, нежелание мыслить, инфантильность, комплексы, обрамленные манией величия, отождествляющие себя под видом самосознания личности.

Любой сегодняшний социалист может сетовать на чрезмерный индивидуализм, процветающий повсеместно, видеть в нем причины упадка в обществе и в образе бытия отдельно взятой личности. Только он будет прав именно в отношении рыночно-постмодернистского индивидуализма. «Глубокая разница в том, ограничивается ли обществом моя свобода и моя собственность. В первом случае это – ассоциация, соглашение, союз, но если общество угрожает гибелью моей особенностью, оно – власть для себя, власть надо мною, нечто недостижимое для меня <...> конечно, союз представляет большую свободу – что, конечно, можно рассматривать как “новую свободу”, ибо благодаря

ему исчезнет свойственное государству и обществу принуждение, но в нем будет еще достаточно несвободы и принуждения <...> Государство – враг и убийца особенности, союз же – оружие и сотрудник ее» [15, с. 296]. Полагаю, есть достаточное основание утверждать, что выходом из проблематичной ситуации индивидуализма в современном мире является не противопоставление ему радикального антагонизма – социализма, а предельно внимательное исследование конструктивных моментов предшествующих парадигм.

Представляется необходимым реабилитировать штирнеровский вариант индивидуализма – потому что в числе прочих моделей индивидуализма ему еще никогда не доводилось быть распространенной парадигмой самосознания личности в обществе. Хотя его личность была маргинальной в тени официальных форм индивидуализма, небезосновательным представляется предположить конструктивный потенциал его концепции, ведь до сих пор испробованные формы индивидуализма оказались ангажированными идеологией, сущностно пустыми, т.е. пригодными для любого наполнения. «Недостаточное развитие личности (ведущее к стадности) и недостаток личной творческой силы и почина бесспорно составляют один из главнейших недостатков нашего времени. Экономический индивидуализм не сдержал своих обещаний: он не дал нам яркого развития индивидуальности» [6, с. 42]. Штирнеровский индивидуализм не имеет с этими формами ничего общего, отрицает все то, что они в себе несут. Этот индивидуализм антагонистичен рыночно-постмодернистскому виду индивидуализма, в котором многое привнесено именно внешними императивами, против которых восстает Штирнер, защищая личность.

Именно штирнеровский индивидуализм предстает в виде выхода из тупиков тех форм индивидуализма, которые в современном мире не только разрушают личность, замыкая ее на самой себе, предлагая ей уютные и бескомпромиссные пределы, отчуждая ее от окружающего мира. Если говорить об обществе потребления, то, например, главную причину все более широкого распространения «в обществе изобилия» экзистенциального вакуума, т.е. утраты частью людей чувства осмысленности своего существования, В. Франкл видел в дискредитации, а значит, обесценивании ценностей, которые только и создают «специфический смысл жизни данной личности в данный момент времени» [9, с. 123]. Если же говорить о виртуальной реальности, то «интернет-революция открыла все шлюзы. Люди, которым бумажная эпоха не давала слова, получили возможность говорить. И оказалось, что это люди, как правило, малограмотные, необразованные, распущенные,

циничные. Но зато беспредельно, беззаветно, бессмысленно злобные. Они очень активны и агрессивны. Но при этом сентиментальны. Они ненавидят правительство и бунтовщиков, очень богатых и совсем бедных. Завидуют знаменитым и презирают безвестных. Они обожают себя, свои наряды, своих домашних любимцев. Они любят смертную казнь и пирожные» [3]. В этом случае остается только добавить и обратить внимание, что в пространстве Интернета хорошо себя чувствуют «идолы рынка» и «идолы театра»: тирания слов и общепринятых мнений не ограничивается ни ответственностью, ни возможностями верификации [2, с. 25]. Путь личности, предложенный Штирнером, к собственному своеобразию, к обнаружению собственного потенциала является путем самореализации в разных областях, освобождением человека от опеки системы контроля и внушений, освобождения от подчинения идеологии – этот путь выглядит как средство преодоления меркантильного и отчуждающего индивидуализма. Более того, именно такой путь представляется важнейшим условием формирования новых типов коммуникации в современном постиндустриальном обществе.

Идея коллективизации на сегодняшний день считается, можно сказать, в высшей степени неприличной и вызывает неприятные ассоциации у большинства людей. Однако эта идея – первое, что принято понимать сегодня под социалистичностью или же социальностью (если принимать это как устойчивый антипод индивидуализма), а также это первое, что ассоциируется с ней в массовом сознании. Эта точка зрения непременно должна браться в расчет, ибо «образование точки зрения есть первое в бытии», учитывая, что «свобода от точки зрения, если это слово вообще должно что-то обозначать, есть не что иное, как явно выраженное усвоение определенного угла зрения (Blickstand)» [16, с. 82–83].

Также в современном обществе наблюдается обратный, можно даже сказать, противоположный индивидуализации процесс, который Ортега-и-Гассет обозначал как «восстание масс». Частное растворяется во всеобщем, идентичность подвергается диффузии, обесмысливается как категория, подменяется внешними, предлагаемыми системой ложными и навязанными псевдоидентичностями. Кажется, что никогда еще конформизм не был так повсеместен и тоталитарен, как сегодня, когда он получил доступ не просто к быту человека (как это могло быть раньше), а к его сознанию и мышлению. Учитывая, что конформизм по определению укоренен именно в сознании человека, уже на этапе процветания массовой культуры личности становится сложнее его избежать только формальным соблюдением его требований – во

внешнем мире, в образе или стиле жизни. Конформизм становится бессознательным и очень глубоко проникает в человека, даже в те области внутреннего мира, которые ранее могли лишь тайно существовать: «Сегодня мы, по сути, имеем дело уже с фрустрацией не сексуальных потребностей, как во времена Фрейда, а с фрустрацией потребностей экзистенциальных» [11, с. 24]. Совершенно очевидно, что далеко не последнюю роль в данном процессе сыграл прогресс медиакоммуникаций.

Однако же нонконформизм изгоняется еще в самом зачатке (если допустить, что он вообще появляется). Абсолютно вся власть принадлежит общественному мнению, общественному вкусу, система внешних императивов становится безупречной в своей функциональности, ведь теперь она имеет доступ к внутреннему миру любого человека и может действовать от его лица. Она поощряет и мотивирует его пассивность яркими и красочными образами в виртуальной реальности массмедиа, в которой он уже существует даже в большей степени, нежели в реальности, ввиду чего индивидуума не покидает иллюзорность ощущения полноты бытия и вовлеченности в него, человек становится похож на «одомашненное животное, не знающее целей» [10, с. 18].

С другой стороны, нет сомнений в том, что у личности имеются возможности выхода из этой социализации, которая завладела его сознанием при помощи гипноза. Усложняет задачу тот фактор, что поток звучащих одновременно дискурсов на сегодняшний день настолько колоссален, что единичному трудно пробиться сквозь этот поток, дабы быть услышанным. Всеобщее, одно на всех, одно для всех – так можно охарактеризовать современный тип социализации, или социалистичности.

Можно сказать, что мы имеем дело со зрителями (хоть они и в разной степени разобщены), находящимися в своего рода зрительном зале перед лицом чего-то большого и властного, непререкаемого и значительного, а главное, внешнего. Граждане созерцают это внешнее, практически не видя, почти не замечая друг друга. Таков тип организации социального бытия, вербализируемый современным человеком.

Можно заметить, что система повсеместно насаждает под видом личности установку на индивидуальную непроницаемость, а также одновременно обеспечивает отчуждение индивидуумов друг от друга. И это обязательно должно происходить, потому что каждый замкнувшийся на том, что ему преподносится как достоверное понятие личности (в действительности же устанавливая рамки для человека), начинает подозревать другого в посягательстве на собственный покой и на непоколебимость его уютного и безопасного микромира. Однако «как

только список категорий ценностей пополняется ценностями отношения, становится очевидным, что человеческое существование по сути своей никогда не может быть бессмысленным» [11, с. 174]. Поэтому система поощряет разобщение людей, они теряют мотивацию к взаимодействию, отсюда становится общепринятым не смотреть дальше собственной личности, акцентируя внимание лишь на приближенном к ней пространстве; разрозненные, разобщенные эти личности ввергаются в поток одиночества, и чувство собственной псевдосамоадекватности не покидает их.

Этот парадоксальный процесс осуществляется благодаря нескольким этапам: в первую очередь замыканию на культе личности; во вторую – тотальному отчуждению индивидуума от других людей и окружающего мира со всем происходящим в нем. Такой простой алгоритм гарантирует колоссальную результативность при любых внешних обстоятельствах. Данный алгоритм представляет собой эпистемологическую ситуацию, в которой идеи, представляющиеся контрастными, иногда даже взаимоисключающими, могут появиться в одной и той же плоскости с абсолютно разных сторон, при этом дополняя друг друга там, где это становится необходимым. «Ныне мы живем в эпоху разрушающихся и исчезающих традиций. Поэтому вместо того, чтобы новые ценности создавались посредством обнаружения уникальных смыслов, происходит обратное. Универсальные ценности приходят в упадок. Поэтому все большее число людей охватывается чувством бесцельности и пустоты» [11, с. 24].

Опираясь на исторический опыт, общество и человек на сегодняшний день могут здраво оценить как сильные, так и слабые стороны социально-философских концепций прошлого, а также обратиться к специфике современной социально-политической и когнитивной ситуации. «Цель истории – полностью выявить факторы, действовавшие в процессе создания определенного события. История целиком и полностью руководствуется категориями причины и следствия» [7, с. 73]. Кроме того, множество появившихся в XX в. концепций свободы, личности, социума, культуры и т.д. позволяет нам довольно полно охватить данную проблематику, возникает необходимость переосмыслить классические и неклассические теории, создать концептуальный синтез идей на основании рефлексии современных процессов.

Литература

1. Бердяев Н.А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики. М., 2003.

References

1. Berdyaev N.A. O naznachenii cheloveka. Opyt paradoksal'noy etiki. M., 2003.

2. Бэкон Ф. Соч. : в 2 т. Т. 2. М., 1972.
3. Драгунский Д. Прекрасное и без того трудно. Музыка интерлюции // Частный корреспондент. 2012. 10 мая. URL: http://www.chaskor.ru/article/prekrasnoe_i_bez_togo_trudno_28005 (дата обращения: 23.09.2014).
4. Кант И. Основы метафизики нравственности. М., 1999.
5. Кропоткин П.А. Взаимная помощь как фактор эволюции. Минск, 2006.
6. Кропоткин П.А. Этика. М., 1991.
7. Мизес фон Л. Теория и история: Интерпретация социально-экономической эволюции. М., 2001.
8. Саводник В.Ф. Ницшеанец 1840-х годов. Макс Штирнер и его философия эгоизма. М., 1902.
9. Франкл В. Поиск смысла жизни и логотерапия // Психология личности: Тексты. М., 1982.
10. Франкл В. Психотерапия на практике. СПб., 2001.
11. Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990.
12. Фрейд З. Я и ОНО // Хрестоматия по истории психологии. М., 1980.
13. Фромм Э. Человек для самого себя. М., 2010.
14. Чехов А.П. Полн. собр. соч. Приложение к журналу «Нива» на 1903 г. 2-е изд. СПб., 1903. Т. XII.
15. Штирнер М. Единственный и его собственность. СПб., 2001.
16. Heidegger M. Gesamtausgabe. II. Abteilung. Bd. 63. Ontologie (Hermeneutik der Faktizitat). Frankfurt am Main, 1988.
2. Bekon F. Soch. : v 2 t. Т. 2. М., 1972.
3. Dragunskiy D. Prekrasnoe i bez togo trudno. Muzyka interlyutsii // Chastnyy korrespondent. 2012. 10 maya. URL: http://www.chaskor.ru/article/prekrasnoe_i_bez_togo_trudno_28005 (дата обращения: 23.09.2014).
4. Kant I. Osnovy metafiziki npravstvennosti. М., 1999.
5. Kropotkin P.A. Vzaimnaya pomoshch' kak faktor evolyutsii. Minsk, 2006.
6. Kropotkin P.A. Etika. М., 1991.
7. Mizes L. fon. Teoriya i istoriya: Interpretatsiya sotsial'no-ekonomicheskoy evolyutsii. М., 2001.
8. Savodnik V.F. Nitsssheanets 1840-kh godov. Maks Shtirner i ego filosofiya egoizma. М., 1902.
9. Frankl V. Poisk smysla zhizni i logoterapiya // Psikhologiya lichnosti: Teksty. М., 1982.
10. Frankl V. Psikhoterapiya na praktike. SPb., 2001.
11. Frankl V. Chelovek v poiskakh smysla. М., 1990.
12. Freyd Z. Ya i ONO // Khrestomatiya po istorii psikhologii. М., 1980.
13. Fromm E. Chelovek dlya samogo sebya. М., 2010.
14. Chekhov A.P. Poln. sobr. soch. Prilozhenie k zhurnalu «Niva» na 1903 g. 2-e izd. SPb., 1903. Т. XII.
15. Shtirner M. Edinstvennyy i ego sobstvennost'. SPb., 2001.
16. Heidegger M. Gesamtausgabe. II. Abteilung. Bd. 63. Ontologie (Hermeneutik der Faktizitat). Frankfurt am Main, 1988.